

А. А. Потебня

**1. О некоторых символах в
славянской народной поэзии**

**2. О связи некоторых
представлений в языке 3. О
купальских огнях и сродных
с ними представлениях 4. О
доле и сродных с нею
существах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
П64

П64

Потебня А.А.

1. О некоторых символах в славянской народной поэзии 2. О связи некоторых представлений в языке 3. О купальских огнях и сродных с ними представлениях 4. О доле и сродных с нею существах / А. А. Потебня – М.: Книга по Требованию, 2015. – 246 с.

ISBN 978-5-458-15064-4

Второе издание. В своих работах "О некоторых символах в славянской народной поэзии", "О связи некоторых представлений в языке", "О купальских огнях и сродных с ними представлениях", "О доле и сродных с нею существах" Потебня широко исследует символику устного народного творчества, и в частности такие характерные для славянского песенного народного творчества символы, как Калина, Счастье, Горе, Доля и др., связывая их с выяснением специфики художественного отражения действительности.

ISBN 978-5-458-15064-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

отношеніе причинное. а) Сравненіе выражается въ народной поэзіи или такъ, что символъ вполне соотвѣтствуетъ своему предмету, или такъ, что между тѣмъ и другимъ полагается нѣкоторое различіе. Въ полномъ сравненіи символъ является то приложеніемъ (конь—соколъ), то обстоятельствомъ въ творит. пад. (зегзицею кычетъ), то развитымъ предложеніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ сравниваемое можетъ подразумѣваться, или—быть развито до такой степени, какъ и символъ. Примѣромъ перваго можетъ служить пѣсня Краледворской ркп. „Ach ty róže, krasna róže! Čemu si рано rozkwetla, rozkwetawši pomrzla, pomrzawši uswědla, uswědewši opadla?“ и вслѣдъ за тѣмъ слова дѣвицы, которая сравнивается съ розою; примѣромъ втораго—двустипіе: „Грущице моя! чомъ ти не зеленая? Милая моя! чомъ ти не веселая?“ въ которомъ каждому слову первой половины соотвѣтствуетъ слово второй. Символъ, какъ приложеніе, сливается съ обозначаемымъ въ одно цѣлое, а творительный падежъ напоминаетъ превращенія: то и другое можетъ быть отнесено къ тому времени, когда человѣкъ не отдѣлялъ себя отъ внѣшней природы. Сравнительно позже появился параллелизмъ выраженія: онъ указываетъ на затемнѣніе смысла символовъ, потому что если эти блѣдныя понятны, то и объяснять ихъ не-зачѣмъ. Еще болѣе позднимъ кажется выраженіе символа въ видѣ полного или сокращеннаго придаточнаго предложенія съ сравнительнымъ союзомъ (напр. въ Кр. ркп. jako zoga, jako luna): присутствіе союза доказываетъ, что между сравниваемыми предметами ставится большое различіе, и напоминаетъ приемы искусственнаго языка.

Формъ отрицательнаго сравненія тоже нѣсколько. Въ Сербскихъ пѣсняхъ довольно часто употребляется такой оборотъ: предпосылается символъ въ видѣ положенія или вопроса, и вслѣдъ за тѣмъ отрицается, а на мѣсто его ставится обозначаемый предметъ, напр. Надви се облак изнад дјевојак'; То не био облак изнад дјевојак, Већ добар јунак тражи дјевојак', (Срп. пјес I. 2);

Шта се сјаји кроз гору зелену? Да л'је сунце, да л'је јасан месец? Нит'је сунце, ни ти јасан месец, Већ зет шури на војводство дође (ib. 13.). Сербскія, а особенно Великорусскія пѣсни опускають сравненіе положительное и начинаютъ съ отрицанія: „не...а“. Безъ сомнѣнія такое сравненіе съ отрицаніемъ предполагаетъ положительное, а потому новѣе послѣдняго.

б) Противоположеніе символа предмету не чуждо Влкр. пѣснямъ, но, если не ошибаюсь, чаще встрѣчается въ Малорусскихъ. Обыкновенная форма такая-же, какъ и въ развитомъ положительномъ сравненіи, и отношеніе сопоставленныхъ предложеній, при отсутствіи союза, можетъ легко быть принято за сравнительное, какъ напр. въ слѣдующихъ мѣстахъ: „Надъ горою високою голубилітають: я роскоши не зазнала, а літа минають“. (Нар. Южнор. п., изд. Метл. 59); „Ой гиля, гиля, сизі голубоньки на високе літання: Та уже важко, мое серденько, та зъ тобою горювання“ (ib. 102); „Ой з за гори из-за кручи орли вилітають: Не зазнаю я роскоши,—уже й літа минають“ (ib. 106). Высокое летанье птицъ имѣетъ смыслъ ничѣмъ не стѣсняемой свободы; Чеш. *bujetí*, Пол. *bujać*, Русс. *ширять*, *парить*, значать не только высоко, но и привольно летать. Такому ширянью противопоставляется горе, стѣсненное положеніе человѣка, отсутствіе роскоши, т. е. раздолья, свободы, что, разумѣется, предполагаетъ сравненіе счастливаго человѣка съ высоко летящею птицею. И этотъ приѣмъ позже сравненія. Кромѣ сложности формы, можно думать такъ и потому, что въ противоположеніи таится мысль о равнодушіи природы къ страданіямъ человѣка, о разладѣ послѣдняго съ дѣйствительностью, мысль естественная въ устахъ современнаго намъ поэта, но слишкомъ печальная для первобытной эпической поэзіи.

с) Причинное отношеніе тоже рождается изъ сравненія. Такъ, во многихъ народныхъ медицинскихъ средствахъ можно распознать символы выздоровленія, или болѣзни: пораженное сибирскою язвою мѣсто очерчи-

вають выпавшимъ изъ сухой сосны сучкомъ, чтобы уроки, призоры и пр. посухали, какъ сучья и корни у сухой сосны (Этн. оч. Ю. С. Гул. 53); рожу лѣчатъ высѣканьемъ огня и прикладываньемъ краснаго сукна на больное мѣсто, потому что рожѣ сближается въ языкѣ съ огнемъ и краснымъ цвѣтомъ. Вообще символизмъ доживаетъ свой вѣкъ въ подобныхъ сложныхъ формахъ; онъ долго живетъ въ примѣтахъ, симпатическихъ лѣченьяхъ и другихъ предразсудахъ, послѣ того, какъ исчезнетъ въ высшихъ формахъ народной поэзіи.

Такъ-какъ символизмъ есть остатокъ незапамятной старины, то встрѣтить его можно преимущественно тамъ, гдѣ медленнѣе происходитъ отдѣленіе мысли отъ языка, куда медленнѣе проникаетъ новое. Какъ ни стары инныя былины, пѣсни юнацкія, все-же онѣ, съ немногими исключеніями, всѣмъ своимъ содержаніемъ относятся ко временамъ историческимъ. Жизнь, въ нихъ изображенная, есть жизнь столкновенія и борьбы народовъ, жизнь прогресса, быстро приводящая въ забвеніе старину и возсоздающая ее въ новыхъ формахъ. Вообще мысль мужчины шире, подвижнѣе, измѣнчивѣе, въ силу новыхъ, входящихъ въ нее, стихій, чѣмъ мысль женщины, заключенной въ кругу медленно измѣняющагося домашняго быта, болѣе близкой къ природѣ и неподвижному разнообразію ея явленій. Женщина—преимущественно хранительница обрядовъ и повѣрьевъ давно застывшаго и уже непонятнаго язычества. Оттого связь съ языкомъ и символизмъ, характеризующіе женскія пѣсни, встрѣчаются въ мужскихъ въ гораздо меньшей степени. Символизмъ находится въ обратномъ отношеніи къ силѣ постороннихъ вліяній, а потому онъ необходимѣе и яснѣе у Русскихъ и Сербовъ, чѣмъ въ пѣсняхъ Чеховъ, Лужичанъ, Хорутанъ, Поляковъ. Эстетическое достоинство произведеній народной поэзіи падаетъ вмѣстѣ съ символизмомъ и отъ тѣхъ-же причинъ: между прочимъ—отъ уменьшенія числа людей, для коихъ языкъ и произведенія народной словесности

главныя средства развитія. Правда, превосходныя Сербскія историческія пѣсни и нѣкоторыя Млр. думы доказываютъ, что и при отсутствіи символовъ возможны высокія народныя произведенія, если между классами народа нѣтъ рѣзкаго различія и если вся масса народа достигнетъ извѣстной степени воодушевленія; но воодушевленіе проходитъ, масса народа разъединяется, и снова начинается процессъ паденія народной словесности.

Въ настоящее время многія Малороссійскія пѣсни, еще прекрасныя по частностямъ, не представляютъ никакого внутренняго единства. Онѣ, очевидно, механически спиты изъ отдѣльныхъ двустипій и четверостишій, которыя встрѣчаются въ другихъ пѣсняхъ, поются и сами по себѣ. Однѣ изъ этихъ короткихъ пѣсенекъ — параллельныя выраженія съ правильно-употребленнымъ символомъ; въ другихъ символъ поставленъ случайно, по привычкѣ; въ третьихъ опущенъ символъ или его объясненіе, которое теперь было бы вовсе не лишнимъ. Пол. краковьяки, кажется, были прежде параллельными выраженіями, какъ Малорусскія „уличныя“ и „коломыйки“, но теперь представляютъ гораздо большую степень разложенія, чѣмъ эти послѣднія. Нѣкоторые изъ нихъ — наборъ словъ, утратившій всякій смыслъ: „Kamień na kamieniu, na kamieniu kamień, A na tém kamieniu jeszcze jeden kamień“.

Приводя въ порядокъ немногіе собранные мною матеріалы, я старался не упускать изъ виду символики съ языкомъ, и располагалъ символы по единству основнаго представленія, заключеннаго въ ихъ названіяхъ. Въ частныхъ случаяхъ я могъ ошибаться, но вѣрно то, что только съ точки зрѣнія языка можно привести символы въ порядокъ, согласный съ воззрѣніями народа, а не съ произволомъ пишущаго.

Огонь. Свѣтъ. Еслибъ мы не знали, что божества огня и свѣта занимали важное мѣсто въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ, то могли бы убѣдиться въ этомъ изъ обилія словъ, имѣющихъ въ основаніи представленія огня и свѣта.

Какъ душа и жизнь, такъ и частныя проявленія жизни: голодъ, жажда, желаніе, любовь, печаль, радость, гнѣвъ представлялись народу и изображались въ языкѣ огнемъ. Слова, первоначально примѣняемыя къ нѣсколькимъ понятіямъ, напр. и къ желанію, и къ печали, съ теченіемъ времени становятся опредѣленнѣе, начинаютъ обозначать одно извѣстное понятіе. Диссимилирующая сила языка дѣйствуетъ при этомъ по правиламъ часто совершенно для насъ непонятнымъ. Примѣромъ этого, какъ кажется, произвольнаго разграниченія тождественныхъ по основному признаку словъ могутъ служить названія пищи и питья, голода и жажды. Что пища и питье роднятся между собою въ языкѣ, видно изъ слѣдующаго: сл. пища происходитъ отъ пи—ти съ суффиксомъ, ставшимъ согласною корня. Отъ предполагаемой формы питити—Млр. питимий, кормящій Млр. „питимая матінка“ можно буквально перевести: „кормилица матушка“. Суф.—имый имѣетъ здѣсь дѣйствительное значеніе, какъ въ родимый. Отъ соути, лить, происходятъ: сытый, накормленный, отличаемое обыкновенно отъ пьяный и сопоставляемое съ симъ послѣднимъ, и сыта (медовая), слово, означающее собственно жидкость и по такимъ-же неизвѣстнымъ причинамъ отнесенное къ меду, какъ слова квасъ (ср. кинуть, мокнуть, Серб. киша, дождь) и пиво къ своимъ понятіямъ. Въ одной Лужицкой пѣснѣ, наоборотъ, вода названа съѣстною: *Póscel jeho po wodu, po tu wodu jadomnu* (Haupt. I. 145). Сродство голода и жажды видно въ нѣсколькихъ словахъ. Ст.-Слв. жльдънъ, тождественное по корню съ Русс. голоденъ, въ Срб. жудан получаетъ значеніе жаждущаго. Смага, близкое къ смажить, жарить, значить въ Смол. губер. жажда, а въ Псков.—позывъ на пищу.

Пол. прагнас, прагніеніе, жажда, Стар. Русс. пражу, жажду (Азбук. въ Ск. Р. Н.), образовалось отъ значенія Пол. пражу́с, Млр. прятти (гдѣ я указыва-
етъ, можетъ быть, на старинное ѡ), жарить. Самое жажда (кор. жад) можетъ быть сродно съ кор. жег. То-же подтверждаютъ выраженія: „ѣсть хочется, а пить — какъ душу выжгло“ (Бул. Посл. въ Арх. Кал. кн. II. ч. 2); „Ты бѣ жаждущимъ утробъ охлажденіе (Илар. о Зак. благ.); „гладомъ таати“ (Варл. и Іосафъ приб. къ Лит. Ист. Стар. пов. и пр. Пып.). Таятъ, кромѣ обыкновеннаго значенія, имѣеть и теперь еще на Сѣверѣ другое, горѣть; совершенно такъ, какъ топить: „затаили свѣцу воску ярово (Пам. и обр. 414); отсюда Млр. потала (въ выраженіи „звірю на поталу“) — пожраніе, жертва. Какъ жрать, ѣсть — одного корня съ горѣть, такъ Пол. ро́жува́с, ѣсть, по связи жизни съ огнемъ, можетъ въ основаніи имѣть представленіе огня, который, по пословицѣ, хуже вора, потому что „воръ воруетъ, хотъ стѣны оставить, а пожаръ все пожираетъ“ (Бул. Посл.). Нѣкоторыя слова, означающія желаніе, прямо примыкаютъ къ понятію голода и жажды, а черезъ нихъ къ горящему внутри человѣка огню. Таковы Ст.-Слв. жадаги, Пол. жада́с, прагна́с, желать. Другія — не имѣютъ видимой связи съ голодомъ и жаждою, но относятся къ огню.

Желать сродно съ жалить, жалѣть и горѣть, о чемъ память сохранилась въ пословицѣ: „Ярко желаютъ, да руки поджимаютъ“ (Бул. Посл.). Млр. и Влр. бажать, сильно желать, имѣеть при себѣ Млр. багатьа, горячіе угли, жаръ. Даже горѣть могло принимать значеніе желать, какъ можно заключить изъ слѣдующаго. Въ Млр. дѣвичьей игрѣ „въ горю-дуба“ (или „въ горю пня“, Псков. огарыши, горѣлки), дѣвушка, ставшая горѣть, говоритъ: „горю, горю дубъ (или пень)“. Одна изъ двухъ, ставшихъ противъ нея, спрашиваютъ: „чего-жъ ты горишь?“ — „Красноі пани!“ — „Якоі“ — „Тебе молодой“ и пр., за тѣмъ тѣ двѣ бѣгутъ, а горѣвшая ловить (Дни и мѣс. Укр. посел.,

Максимовича, Русс. Бес. 1856 г. III.). Родительный п. при горѣть показываетъ, этотъ глаголъ значить здѣсь не ловить—бѣгать, какъ можно думать по связи огня и быстроты, а скорѣе желать, любить. Любовь есть желаніе, почему Псков. жаланый—любезный, желанный—любезный, милый (Орл. Туль.), ласковый, добрый (Моск. Олон.); Твер. жадный, милый; во многихъ Сѣв. губ. бажонный, миленькій. Костр., Олон. Тамб. бажать-ка—крестный отецъ, крестная мать, можетъ быть потому, что излюблены, выбраны, въ противоположность роднымъ. Связь любви съ огнемъ выводится и изъ сближенія красоты съ огнемъ, о чемъ—ниже. Въ названіяхъ печали я не замѣтилъ доказательствъ связи этого чувства съ жаждою—голодомъ; связь съ огнемъ—ясна. Печаль отъ печь, слово неупотребительное въ Млр., въ замѣнъ чего Млр. журба имѣетъ постоянный эп. пекуча. Журба, слово близкое по формѣ къ Чеш. *zříti*, свирѣпѣть, одного корня съ горѣти—жрѣти: *y* есть усиленіе глухаго звука (ср. муравей—мѣравій). Жаль—горе тоже однородны съ горѣть, равно какъ обл. на-зола, грусть, близкое къ зола, (ср. пепель—удвоенная форма отъ плати, но и безъ предл. по—все-таки продуктъ горѣнія), золь, имѣющему другую форму горші. Скорбь имѣетъ при себѣ заскорбнуть, засохнуть, скорбный, сухой. Сухота (Моск. и Млр.), забота, печаль отъ сухъ, откуда довольно рѣдкій Млр. гл. сушувать, горевать (Этн. Сбор. I. 357), и обыкновенное Млр. сушить—вялить (о горѣ). Какъ въ языкѣ, такъ и въ народной поэзіи понятія желанія, любви, печали сродны между собою потому что выражаются въ однихъ и тѣхъ-же образахъ внутренняго и внѣшняго огня. Какъ сл. утолить, напр. голодъ, жажду, имѣетъ въ основаніи понятіе огня (тлѣть, обь огнѣ), хотя выражаетъ его утишеніе, усмиреніе; такъ питье и ѣда, усмиряющія жажду и голодъ, служатъ символами упомянутыхъ сродныхъ съ огнемъ чувствъ.

а) **Питье.** Пить воду значить желать, стремиться, какъ можно догадываться изъ слѣдующаго: „Край тихого броду пье сивий кінъ воду; Просилася мила та до свого роду“ (Метл. 244). Конь пьетъ отъ жажды, какъ просьба—слѣдствіе желанія; „край броду“, потому что бродъ—средство сообщенія раздѣленныхъ рѣкою. Болѣе примѣровъ можемъ представить для питья въ значеніи любви. Вода—дѣвица, женщина (см. ниже); хотѣть пить—жаждать любви: „Жедно момче гором їездијаше, Жедно воде, а жељно ѣвојке“ (Срп. пјес. 416). „Що утятя—лебедята летять до криниці. Прилетіли до криниці, не пили водици; Та йшовъ козакъ до дівчини, зайшовъ до вдовиці“ (Метл. 53), т. е. какъ утки—лебеди прилетѣли къ водѣ, да не пили ее, такъ козакъ разлюбилъ дѣвицу, потому что шелъ къ ней, да не зашелъ. Менѣе выдержано обличеніе въ слѣдующемъ: „Чи се тая криниченька, що голубка пила? Чи се тая дівчинонька, що мене любила?“ (Метл. Ср. 63, 72). Замѣчательно слѣдующее мѣсто, гдѣ питье—блудъ: „Вопросъ: сыне, пей воду отъ своихъ источникъ и отъ студенець, да не прольются своя воды. Толкъ: не сотвори блуда съ чужею женою, да твоя жена съ чужими не соблудить“ (Приб. къ рѣчи Пр. Бусл. „О нар. поэз. въ др. Р. Литт.“. Актъ Моск. Унив. за 1859). Сербское љубити, цѣловать, тоже обличается съ питьемъ; напр. въ пѣсенкѣ помочанамъ (моби, т. е. мольбѣ, прошеннымъ): „На крај, на крај, моја силна мобо, На крају је вода и девојка, Вода ладна, а девојка млада: Воду пијте, девојку љубите“ (Срп. пјесм. I. 169); Ја се напих жубер—воде, Намирисах жуте дуње, А наљубих младе моме“ (ib. 362). Какъ любоваться, смотрѣть съ наслажденіемъ, относится къ любить, такъ Млр. дивиться, въ смыслѣ любоваться—къ символу любви питью: „Добри—вечірѣ, удівонько! дай води напиться! Хорошую дочку маешъ, хочъ дай подивиться!“—Стоить вода на відничку, такъ ти и напийся; Сидить дочка въ віконечка, такъ ти й подивися!“ Символь извѣстнаго явленія можетъ, какъ

сказано выше, быть средствомъ произвести это явленіе, или его причиною. Пить воду значитъ и любить, и быть любимымъ; напиться воды представляется средствомъ внушить къ себѣ любовь: Чи я, мати, не хорішъ, чи я, парень, не дорісъ? Чому мене, моя мати, дівчата не люблять?—Піди, синку, до криниці, напийся водиці: Будуть тебе дівки любить ище й молодиці“.

Пить вино—тоже любить: Лепо ме је сетовала мајка, Да не пијем црвенога вина, Да не носимъ зеленога венца, Да не љубим туђина јунака“ (Срп. пјес. I. 335, 334); „Ил’ћу пити кондир вина? Ил’ћу љубиш младу мому (ib. 331). Вода сближается со вдовою, а вино съ дѣвицей, потому что послѣдняя весела, а первая печальна (ib. 228). Поить—женить: Не ћу брата женит’ удовицом, Нит’ ћу брата појити водицом... Већ ћу брата женити дјевојкомъ, И појити вином руменијем: Од вина јелице руменије, У дјевојке срце веселије“ (ib. 229). Отсюда питье—свадебный пиръ, т. е. пиръ по преимуществу: Срб. пир—свадьба, пирник—свадебный гость, пироватисе—жениться и выходитъ за-мужъ, пировати—пировать именно на свадьбѣ, а потомъ—вообще; у Лужичанъ Сербскому пир соотвѣтствуетъ kwas, свадьба, собственно питье, (ср. Срб. киша, дождь: понятія питья и изливанья совмѣщаются въ однихъ и тѣхъ-же корняхъ); въ разныхъ Влр. губерніяхъ пропить дѣвку значитъ просватать, а въ Бѣлоруссіи запоины—сговоръ.

Женидба служитъ символомъ битвы и смерти, потому что и то, и другое, и третье—судь Божій, а можетъ быть и по другимъ причинамъ. Въ частности пиръ—символъ битвы, потому что, какъ кажется, не только свадебный и надгробный, но и всякій болѣе—менѣе общественный пиръ сопровождался боями (кулачными?): областное (Волог. Яросл. Тульск.) сшибокъ, пиръ вообще и тризна; послѣднее видно изъ пословицы: „по дѣдѣ сшибокъ, а по бабкѣ щипокъ“ (Бул. Посл. Арх. Калач. кн. II. Отд. 2). Варить пиво и пить значитъ биться. Въ думѣ на Желтоводскую битву Хмель-

нидкій говорить козакамъ: „Гей друзі молодці братья козаки Запорозці! Добре знайте, барзо гадайте, Изъ Ляхами пиво варити замирайте. Лядський солодъ козацька вода, Лядські дрова, козацьки труда“ (Сб. Укр. пѣс. Макс. 67). Въ 1-й Новгородской лѣтописи читаемъ слѣдующій рассказъ о переговорахъ Ярослава съ преданнымъ ему мужемъ изъ Святополчей дружины: „И бяше Ярославу мужъ въ пріязнь у Святополка, и посла къ нему Ярославъ ночью отрокъ свой, рекъ къ нему: „онъ си! что ты тому велиши творити? Меду мало варено, а дружины много“. И рече ему мужъ тѣ: „рчи тако Ярославу, д’аче меду мало, а дружины много, да къ вечеру вдати“. И разумѣ Ярославъ, яко въ ночь велить сѣцися“ (П. С. Лѣт. III. I). Нѣтъ основанія понимать это мѣсто въ буквальномъ смыслѣ, потому что рѣшимость Новгородцевъ перевестись на тотъ берегъ Днѣпра было дѣломъ случайнаго обстоятельства, а не слѣдствіемъ недостатка въ припасахъ; сравнивая же съ предшествующимъ мѣстомъ, мы видимъ, что „меду мало варено“ значитъ: не было битвы (а стычки могли быть), а дать медъ дружинѣ прямо объяснено черезъ „сѣцися“. Пиръ—битва, а пьянъ значитъ мертвъ, какъ видно изъ извѣстнаго мѣста въ Сл. о Пол. Иг. и изъ народныхъ пѣсень: „Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ (свадебный) докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую“. Разбойники отвѣчаютъ вдовѣ убитаго ими, которая узнаетъ у нихъ коней своего мужа: „Ой ми собі сіи коні ми ихъ покупили, Та на гнилій колоді гропі полічили, Зъ холодної криниченьки могоричъ залили, Підъ гнилою колодою спати положили“ (Ср. Ж. Pauli, II. 5). Въ пѣснѣ о Лемеривнѣ: „Ой одчиняй, моя матинко, ворота! Я везу тобі невісточку пьяненьку... Ой упилась, моя матинко, од ножа, А заснула, моя матинко, крий коня“ (Метл. 285—6). Изъ сближенія пира съ битвою можно объяснять частое сближеніе словъ пить и бить: „Нельзя, нельзя воду пити, нельзя почерпнути; Нельзя, нельзя жену бити, нельзя поучити“ (Гул.